

ДЕД КОЛЯ

МЕМОУАРЫ

1942 году меня, как шестнадцатилетнего пацана, призвали в Караганду в ФЗО для работы на шахте. Два года я проработал в шахте. Несколько раз был в аварийных ситуациях. Рёбра выдавливало, средний палец углём разбило об вагонетку.



Первая вертикальная шахта №30 в Караганде

Вот, ну и когда с этими травмами меня выписали на поверхность, на лесопилку, я познакомился с нашей буфетчицей Лидой. А её дядя был военкомом кировского военкомата. Ну и время как раз подходило к призыву. Как-то пришли мы к ним домой. Матвеич его звали. Я попросил, чтобы меня взяли в армию, а мы все пацаны рвались на фронт. Но он сказал: «Подожди до октября месяца. Вот будет набор, я тебе вышлю повестку.»

В октябре месяце я получил повестку в военкомат. Нас направили в алматинскую авиашколу. Штурмовая авиашкола. Так что, мне предстояло быть лётчиком штурмовиком. Ну а там, уже будучи в Караганде в красном уголке сидели мы, писали домой письма... и, вдруг, пришёл моряк – капитан-лейтенант. В форме, с кортиком на поясе, такой бравый офицер!

Спрашивает:

– Куда, ребята, вас направляют?

Мы говорим:

– В авиашколу, в штурмовую авиацию.

– М-мм да, хорошая специальность. Но летаешь, летаешь. Упал – и косточки не соберёшь! То ли дело у нас на Морфлоте – по морям, по волнам, нынче здесь, завтра там!

А я с пятого класса мечтал быть моряком. У меня на левой руке был выколон якорь. Показываю.

– А я мечтаю с детства быть моряком, вот даже якорь выколон!

Он:

- Тыфу! А в чём же дело? Садись, пиши заявление, что хочешь служить в Морфлоте!
- А можно?
- Можно! Я для этого и приехал – набирать команды желающих служить в Морфлоте. Ну и с нашей команды, двадцать человек, карагандинцы все, бывшие шахтёры, изъявили тоже кое кто желание служить в Морфлоте.

Мы написали заявления. Дня через три – команда:

- Двадцать вторая команда, становись!
- Было это в столовой. Ну, мы выстроились. Нас по фамилиям перечислили. Говорит:
- Вот, теперь вы в распоряжении этого капитана-лейтенанта (фамилию его забыл). Он набирает на корабли.
- Ну, и мы согласились...

Я попал на эскадренный миноносец «Резвый».



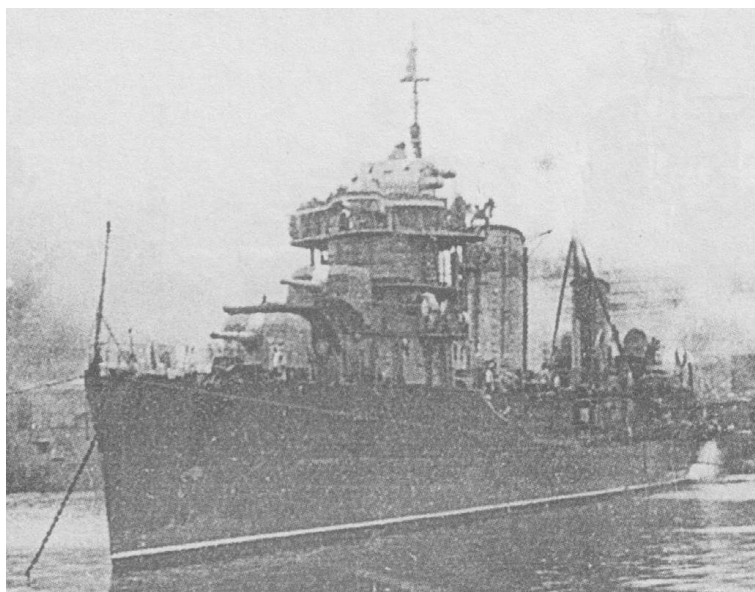
«Резвый», эскадренный миноносец

Меня поставили в команду дальномерщиков, измерять расстояние до цели. Это артиллерийский дивизион дальномерщиков был. Ну, и где-то с месяц, или немножко больше месяца я постажировался дальномерщиком, потом познакомился с артиллеристами-зенитчиками. Мне понравилась скорострельная зенитная пушка. Я, в общем, стал подлизываться к командиру этого зенитного дивизиона, чтобы перевели меня из дальномерщиков в артиллеристы. Там как раз набирали желающих. Потому что, если любишь стрелять, значит хороший артиллерист получится.



*Водяницкий Н.А.
1944г*

Месяц я дублёром второго наводчика на пушке тренировался. А потом меня перевели с «Резвого» на «Тбилиси» для прохождения, так сказать, стажировки.



«Тбилиси», эскадренный миноносец

А на «Тбилиси» попал я сразу на носовую зенитную батарею. Командир этого носового дивизиона был старшина Князев.



*Моряки эсминца «Тбилиси»
(Водяницкий Н.А. первый слева сверху)*

Как-то, в общем, я со своим любопытством совал нос везде и всюду, всё познавал, всё изучал, что чего да как устроено... Он меня назад на «Резвый» не отпустил, а зачислил вторым наводчиком в зенитный дивизион. И так, я стал зенитчиком.

Первый выход в море был в марте месяце. Я в общем-то качку переносил легко. Правда, качка была несильная, три балла. Волна была с белыми барашками... Ну, в общем, душа у меня была морская. Так у меня пошла артиллерийская зенитная служба.

В сорок пятом, когда война кончилась, мы 9 мая находились в патрулировании в открытом море потому, что японцы систематически нарушали наши воды, рыбу вылавливали, в общем, вредили, как могли.

Радиограмму получили: «Срочно возвращаться во Владивосток!». Командир корабля дал указания боцманам и сигнальщикам украсить корабль разноцветными флагами, и мы полным ходом пошли во Владивосток. Через два часа мы прибыли в бухту Золотой Рог, а на причале, где мы должны швартоваться уйма народу! Наверное, половина Владивостока. И духовой оркестр играет. В общем, нас очень торжественно встретили, с криками: «Ура!» и так далее и тому подобное... А на следующий день был парад Победы... И мы, весь наш дивизион, человек примерно двести с корабля, и другие команды участвовали в этом параде. Ну и пошла жизнерадостная такая служба!

8 августа 1945 года поступила команда: «Объявить войну Японии!». Девятого мы выступили где-то за полночь, и направились по плану к Северокорейскому порту Юки.

Подошли мы на рассвете к Юки. У входа в бухту, у входа к этому порту всё было перегорожено противокорабельной обороной минами, глубинными бомбами. А с нами на буксире было три торпедных катера американской марки. У них авиационные моторы стояли. На других кораблях тоже на буксире были торпедные катера. И с правой стороны, у борта, у нас было пришвартовано десантное судно роты морской пехоты.

Ну, и когда к бухте мы подошли остановились, и осветив, обнаружили сторожевой корабль японский. Он стоял у правого берега. На него прожектора навели, пушки. И команда: «Руки вверх!» Японцы, конечно, без боя подняли белый флаг.

Эскадренный миноносец «Разящий» прицепил это сторожевое судно японцев и оттащил от предстоящего поля боя, так сказать, в тыл.



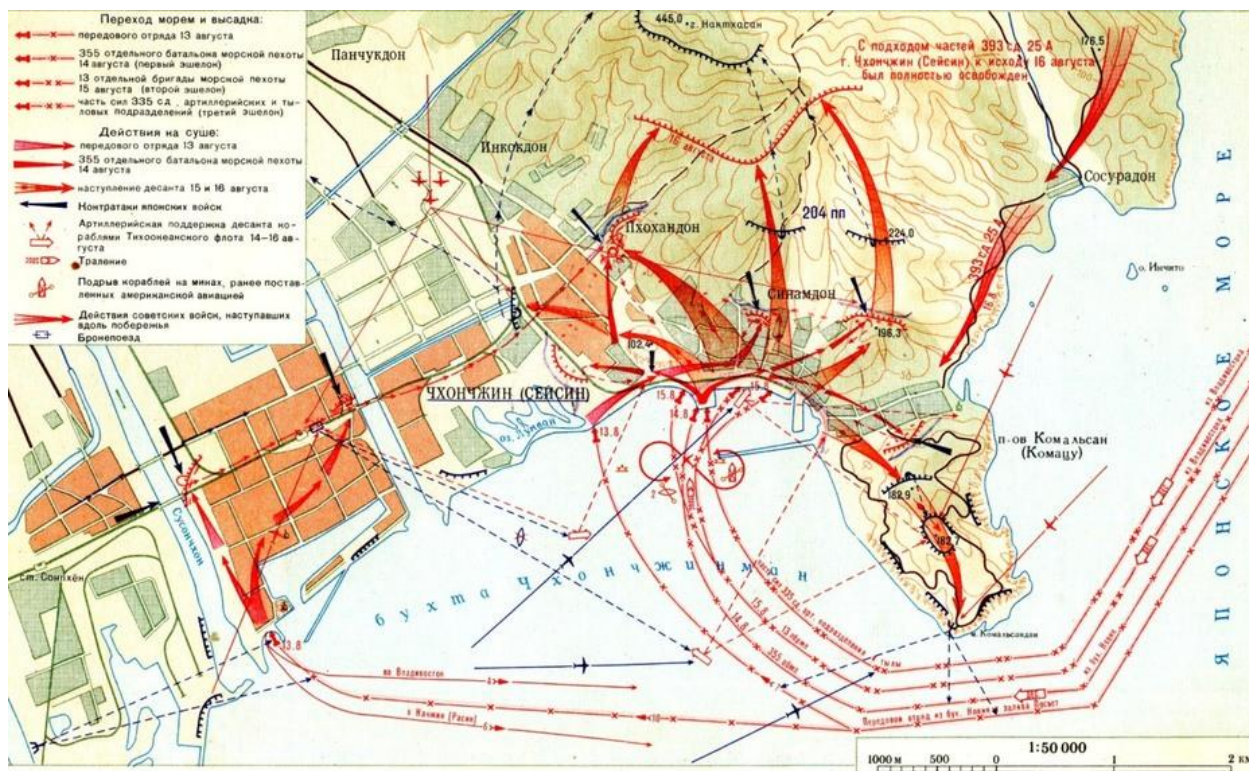
«Разящий» – эскадренный миноносец

Когда торпедные катера наши пошли через это заграждение, глубинные бомбы начали взрываться, потому что скорость большая у катера. Пролетел, а бомба сзади: «Бабах!»

На берегу японцы слышали вой авиационных моторов. Прожектора все в небо. А тут как раз наша авиация подлетает. Нам дана была команда: «Уничтожить прожектора!» Мы, конечно, снарядов не жалели... Где-то за полчаса стрельбы все эти прожекторные точки артиллерийские береговой обороны японцев были уничтожены. Ну, а потом нам по радио сообщили, что на Юки движется танковая десантная группа и морская пехота. Короче

говоря, где-то к обеду на Юки начали развеяться белые флаги сдачи, прекращения боя. Японцы рванули, кто был, на юг, в сторону поста «Расин».

Ну, а мы после боя возвратились во Владивосток, пополнили боеприпасы, горючее и на следующий день отправились на штурм Расина. Там повторилась такая же операция, как на Юки. За полдня Расин пал.



Сэйсинская операция (1945)

После Расина, дня через два, мы штурмовали Сэйсин. Это ближе уже к порту Артуру. На этот раз с нами ходил командующий флотом адмирал Юмашев.



*Адмирал Тихоокеанского флота
Юмашев Иван Степанович*

Наш корабль, как флагманский, эскадренных миноносцев, он, кстати, был самый быстроходный корабль на Тихоокеанском Флоте, и отлично вооружен. После взятия порта командующий от нас пересел на крейсер «Калинин», а мы возвратились за пополнением боеприпасов во Владивосток.



Крейсер «Калинин»

Нас на крейсере «Калинин» командующий потом застал третьего в порте Артур. Порт Артур, к тому времени, освобождён был от Японцев. Мы остановились на рейде порт-артурской бухты, так что из нашего корабля в порт Артур никто из моряков не выходил. Мы несли сторожевую службу возле своих орудий.

5 сентября Япония капитулировала. Квантунскую армию, так сказать, взяли в плен.



Штаб-квартира Квантунской армии

Во Владивостоке после победы над Японией мы у своего причала были, у нас тридцать третий причал был, а рядом с нами тридцать второй. На углу тридцать третьего причала стоял вспомогательный крейсер «Тобол».



Крейсер «Тобол»

И вот прибыл «Тобол» с военнопленными японцами. И когда их на берег высаживали, наш командир, герой Советского Союза, капитан второго ранга Балякин вышел. Он английский язык хорошо знал. Разговаривал с этим командующим квантунской армии. В очках такой, толстенький. А я, как раз, нёс вахту у флага воле сходни на берег. Вот, так что, я японцев разглядывал метров на 20-30 от нашего корабля.



*Герой Советского Союза
Балякин Леонид Николаевич*

Так вот закончилась война с Японией.

Ну, а дальше служба проходила, так сказать, своим чередом. По плану мы выходили в море на охрану наших вод. А американцы захватили японские суда, японские порты и укрепления все. И, в общем, они проявляли большой интерес к вооружению нашего флота.

Однажды, во время очередного патрулирования по нейтральным водам, наши гидроакустики услышали под водой шум винтов подводной лодки. На позывные она ничем не отвечала. Мы приказывали ей всплыть, она не подчинялась. И командующий эскадрой, контр-адмирал Святов дал указание, подбить это место нахождения подводной лодки. Ну мы, конечно, глубинными бомбами позабросали там сколько могли. Примчались морские охотники, сторожевые корабли, против подводных лодок...



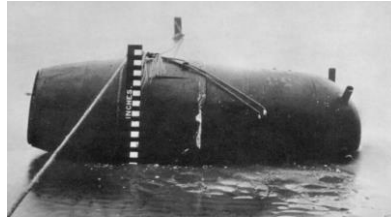
*Контр-адмирал
Иван Георгиевич Святов
«Морской Чапаев»*

В общем, она залегла на дно раненая, эта подводная лодка. Пока снаряжали водолазов, чтобы проверить, в каком она состоянии, появился шум второй подводной лодки. Начали её преследовать, но она быстро удрала. Ну, а эту подводную лодку потом приподняли, она её в «живом» состоянии была. Оказалось, на ней кроме японских моряков, в основном, американская команда была.

Вот так вот проходила уже послевоенная служба.

Однажды патрулировали в японском море. К нам навстречу рыбацкий сейнер стал приближаться. И капитан сейнера сообщил, что отсюда, на таком-то расстоянии плавает большая мина. Мы чуть-чуть на неё не напоролись.

Командир корабля наш дал данные. Повернули мы и пошли искать эту плавающую бомбу.



Морская мина времён ВОВ

Где-то, не больше, чем через час мы её обнаружили. Правда, здоровенная бомба! Типа бензоцистерны, которые на машинах, на бензовозах. Вот такая здоровенная... Командир корабля решил к ней близко не подходить, потому что морская качка, волна была около пяти баллов. Этих минёров на лодке со взрывчаткой к ней посылать побоялись.

И он задал команду нашему орудью:

- Зенитное орудие №1, одним выстрелом поразите цель или нет?

Наш командир по орудью:

- Обязательно поразим!
- Открыть огонь!

Далее командой установили, какое там расстояние. А я уже к тому времени был уже старший матрос, первый наводчик. Ну, конечно, я поймал цель в перекрестье прицела. Сообщил:

- Первый – цель!
Второй наводчик сообщил:
- Второй – цель!
И мичман скомандовал:
- Огонь!

А огонь открывал я, первый наводчик, потому что огневая педаль у меня была под левой ступнёй. Ну и получилось, не один снаряд у меня вылетел, а два: «Тых-тых!»

Как взлетела, бабахнула эта бомба-мина! О-ой! Столб был выше нашего корабля. И такие куски металла бомбы отлетали, с тумбочку величиной, наверное, а то и больше... Ну, в общем, до корабля они не долетали метров на пятьдесят.



Взрыв морской мины

Когда всё утихло, командир корабля объявил:

- Первому расчёту зенитного дивизиона объявляю благодарность и по сто рублей премии! А отпуска дополнительного десять суток!

Мы, конечно, очень рады были такому поощрению.

В 1948 году в мае месяце мне дали отпуск. Не двадцать дней отпуска, а тридцать дней. Ну, я поехал в Кустанай.

Отпраздновал отпуск. Вернулся на корабль.

Где-то в октябре-месяце, перед моим днём рождения, нашему кораблю дано было задание отправиться в Николаевск-на-Амуре, там судостроительный завод был, принять новое судно «Верный». Эти старые эсминцы – все на букву «Р» были, а этот новый – на букву «В». Мы, в общем, приняли на борт восемьдесят или девяносто человек юнг, на практику, из школы юнг.

В Татарском проливе нас застал шторм, сильный шторм, крепкий. В общем, ночь-две нёс в вахту у своего орудия я, как вперёдсмотрящий. А у меня ночная была с часу ночи до четырёх утра. Вот, где-то в четвёртом часу меня сменили с вахты. Ну, а я от волн по пояс, а то и больше, мокрый весь был. Со своего мостика, со своей надстройки, я спустился на полубак, с полубака на шкафут, и в это время хлестнула большая волна. Меня под зад эта волна как поддала! Я руки растопырил и за тяготящие леера, типа бельевых верёвок, руками перебирая, устремился в заднюю часть корабля. А мне сказали, в кают-компанию, к старшим в кормовой части корабля. А наш кубрик был занят тюльками. Ну, в общем, не добрался я до конца, корабль дал крен на левый борт. Я успел уцепиться за... кранцы их называли – это железные шкафы с боеприпасами. Уцепился за кранцы обеими руками. Корабль наклонился на левый борт, а ноги у меня поплыли, в общем, вниз. Но одной ногой я успел упереться в рельс, по которому мы катали глубинные бомбы. В общем, я удержался. Корабль стал выравниваться. Я быстро перескочил к дверям в кают-компанию к старшим. Только передними ногами переступил через порог, от встречной другой волны с правого борта корабль стал наклоняться на левый борт. И получилось, у меня ноги вверху, голова внизу. Я руками уцепился за косяки дверей, ну и дверью мне прищемило большой палец на правой руке. Он только хрустнул под дверью там под этой... Ну, и когда корабль стал выпрямляться, я вмиг по трапу, дверь захлопнул. А а с правой стороны кают-компании была санчасть.

Встретил меня вахтенный дежурный. Я руку протягиваю:

– У меня, вот, палец прищемило.

И тут доктор как раз вышел:

– Ни хрена себе! – говорит – прищемило! Да он – говорит – у тебя на коже висит!

Ну и быстренько мокрую одежду с меня сняли в кают-компании санчасти. Он сомневался – может ли прижиться палец или нет? А потом говорит:

– А отрезать-то всегда успеем! Давай попробуем его пришить, приживить.

Ну пришил. Молодец!.. Прижился.

А после операции меня в кают-компании уложили на койку. Ремнем привязали на койке, чтобы не сдвинулся. А доктор еще мне пятьдесят грамм спирту налил. На прощанье сказал:

– А у меня сегодня как раз День Рождения! Счастливый – говорит – ты! Под счастливой звездой ты родился! Чуть не смыло за борт.

А с нашего корабля, действительно, в этот шторм смыло боцмана Милованова. Так что, без жертв не обошлось.

Вот так я встретил в открытом море шторм в девять с половиной баллов. Сильный шторм... Дней десять ходил. Петлял... От всяких вахт я был освобождён. Вот такие эпизоды были.



*Старшина 2-й статьи
Водяницкий*

Мне присвоили звание «Старшина 2-й статьи». Я стал командиром батареи. А в 1950-м демобилизовался домой.

На корабле награждён военными наградами: Медаль «За победу над Японией», Медаль «За освобождение Кореи» и Медаль «30 лет Советской Армии и Флота».



Вот с такими тремя наградами я демобилизовался.

Домой когда приехал, в Военкомат пошёл на учёт становиться, мне сразу сказали:

– Морячок, да мы ж тебя давно ждём! Ты нам нужен позарез! Отдыхай и айда к нам!

А в Компартию пошёл, мне секретарь Горкома вручил рекомендательное письмо в отдел кадров. Вот так я месяц отдохнул и приступил к гражданской службе.

Следует продолжение с дополнениями...